

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФЕЛЬЕТОН БЛОКА 1920 г.

(ТВОРЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ)

Вступительная статья и публикация И. Е. Усок

После пережитого в январе 1918 г. необычайного творческого подъема, когда в несколько дней была создана поэма «Двенадцать», Блок писал преимущественно прозу: публицистические произведения и философско-исторические трактаты, статьи о современной литературе и классике, предисловия к собраниям сочинений и рецензии, очерки быта и нравов, статьи-воспоминания, эссе и т. д. Д. Е. Максимов предполагал, что, если бы не внезапная смерть, в творчестве Блока мог бы произойти поворот к прозе, сулившей неожиданные художественные свершения¹. Публикуемый черновой набросок Блока «Ответ на вопрос о красной печати» свидетельствует о дальновидности исследователя.

«Ответ на вопрос о красной печати» написан в последних числах августа (между 28 и 31) 1920 г. По-видимому, инициатором его создания явился А. М. Ремизов, неутомимый выдумщик, любитель мистификаций и литературных игр, много усилий прилагавший для сплочения дружеского кружка единомышленников, названного им «Обезьяньей Великой и Вольной Палатой» (Обезвелволпал) (см. наст. том, кн. 2, с. 126, примеч. 1). В своем письме к Блоку от 23 или 24—28 августа 1920 г. Ремизов, именовавший себя «канцеляристом Обезьяньей Великой и Вольной Палаты», сообщил четверостишие, которое выдал за подброшенное в «обезьянье царство» извне на «обрывышке бумаги»: поскольку было опубликовано лишь начало этого письма (см. наст. том, кн. 2, с. 126), приводим здесь текст его полностью².

⟨Петроград, 23 или 24—28 августа 1920 г.⟩

23 или 24 августа

не знаю

20 года

Кавалеру Обезьяньего Знака
Александру Александровичу Блоку.

Дорогой Александр Александрович!

Был Алконост с письмом от Асыки, говорит, чтобы я вам от обезьяньей палаты запрос написал.

Вчера еще утром я был, как человек, а сегодня с грелкой, беспмятный и бестолковый.

Я не знаю, что с такими делают в обезьяньем царстве, убивают ли сразу, чтобы жалобами не мutilи света, или обертывают в вату, как недоносков, и греют, и молоком поят.

Очень я всегда боюсь таких вот дней больных — приступов боли моей: огненным поясом опоясан с пустой головой, безголосым сердцем и должно быть паром вместо души.

Успенев день

28.VIII

Это уж наверно.

В обезьянье царство проник человек: вещал «кое-что про бога», а когда обезьяньи синие аэробили унесли его в Ледовитое царство, где нет ничего и след его пропал, остались ⟨1 нрзб.⟩ какие-то обрывышки бумаги. (Культурные люди без бумаги никак не могут!)

В [печатном] одном печатном говорилось: [что] в каком-то большом городе сделано было внезапное обследование всех рынков и у 4000 торговцев [было] обнаружено сотня яиц, что свидетельствовало или о жестоком изуверстве человеческом — среди обезьян скопцов нет! — или о нищенстве рынков, которые обследовать — только людей попусту мutilить, должно быть, очень голодных.

На этот обезьяний вопрос ответят специалисты — В. Бонч-Бруевич³, пищевики и доктора, уцелевшие от тифа.

А на другой вопрос просят ответить поэта: на писанном обрывышке прочитали стих:

ни ожиданий, ни просветов,
нет сил ни верить, ни желать;
уста трибунов и поэтов
замкнула красная печать.

какие такие печати никто ничего не понимает

Канцелярист Обезьянней Великой и Вольной Палаты

Алексей Ремизов

Обращаюсь понемногу в лягушку: температура упала — 35,8. Скоро заквакаю и буду мушек ловить ртом, этому-то я очень рад: не надо будет просить белой муки — до зимы — гордо прокормлюсь мухой (на мух до сих пор не было нигде спроса и никакой [цены] регистрации)⁴.

Как видим, Ремизов предложил своему адресату тему для стихов. Блок ответил очень быстро, но откликнулся он, против ожидания Ремизова, не стихами, а прозой. Ремизов в письме к Блоку от 31 августа 1920 г. сетовал, что ни он, ни Алконост (С. М. Алянский) не смогли прочитать присланную рукопись, и просил переписать ее. И поскольку тема красной печати не потеряла для Ремизова своей остроты, он продолжает ее обсуждение и в этом письме, но уже не прибегая ни к мистификациям, ни к рифмовке. Поскольку это письмо Ремизова прежде не публиковалось, мы приводим его текст полностью⁵:

Дорогой Александр Александрович!
плохо разбираю рукопись: перепишите! и Алконост только глаз натрудил, ничего не понял.

Александр Александрович, напишите стих —

Вот Вы сказали мне:

«Ничего не пишу и не могу писать: гнет такой!»

Напишите это стихом.

Вы пришли за паспортом на площадь, пальцы у вас были завязаны, просили паспорт выдать — старый пропал. Курили тоненькую папиросу, а я не помню, зачем пришел и что просил, только помню, через силу стоял у стола и ждал, когда попрошу.

Красная печать — очень неопределенно общее — у меня в 1906 г. напечатана была в «Северн(ых) цветах»⁶ «Эпитафия коробке с красной печатью».

Я прошел этапом от Пензы до Устьсысольска через множество тюрем и пронес с собой карандаш, запис(ную) книжку, перочин(ный) ножик в коробке с красной печатью. Печать была кондитерская, а начальники тюремные принимали за казенную.

Нет, не красн(ая) печать, *другая*, и вот о *другой* напишите, если охота есть.

Алексей Ремизов

31.VIII

МСМ XX

Скорее всего, просьба Ремизова не была Блоком выполнена, и его черновой набросок остался неперебеленным. Почему? Этот вопрос пока остается без ответа.

Вероятно, больше к этой рукописи Блок не возвращался. Во всяком случае, пока других автографов «Ответа на вопрос о красной печати» или каких-либо сведений о них не обнаружено. Знаменательно и то, что Блок не включил «Ответ на вопрос о красной печати» в свой «Список моих работ»⁷, куда обычно заносил подготовленные к печати или увидевшие свет произведения.

Непрочитанный Ремизовым черновой карандашный набросок Блока был обнаружен при подготовке полного академического собрания сочинений и писем Блока. Рукопись составляют пять листков основного текста и дополнительный шестой — поправка к тексту на листе первом. Формат листков — немногим меньше листа школьной тетради. Текст представляет собой скоропись, избыточную авторской правкой, многие слова даны в сокращении.

Рукопись двухслойная и хранит следы повторного обращения автора к тексту. Заглавие написано позже, чем текст на листе 1. Позже написана и последняя, завершающая фраза, придавшая сюжету законченный характер. Многие слова обведены карандашом повторно. Вероятно, автор, отправляя рукопись адресату, стремился как-то придать четкость написанному начерно тексту. Посередине листков — след сгиба; вероятно, Блок перегнул листки пополам, чтобы вложить их в конверт. На обороте последнего 5-го листа он поставил свою подпись, однако даты на рукописи нет.

БЛОК

Портрет работы П. И. Нерадовского, 1920

Литературный музей, Москва

Рукопись сохранила следы кропотливой работы над словом. Многих усилий потребовала от автора отработка фразы (точнее, ее части, начинающейся со слова «спрут-капиталист»), зачеркнутой на листе 1 и перебеленной на листе 6—поправке к листу 1: «Свежий воздух приветливо врывается в разбитые зеркальные окна, из которых некогда спрут-капиталист, лоща свои засаленные ногти, которые он только что жадно запускал в лучшие и наиболее жирные куски окорока ветчины, смотрел на понурых рабочих и крестьян, занятых непосильным физическим трудом». При попытке восстановить нижний слой прочитывается слово «спрут-капиталист», после него одно слово остается неразобранным, далее предположительно прочитывается слово «смотрел» и уже с большей уверенностью читается «на понурых». Динамика работы над текстом не восстанавливается из-за сплошного вымарывания написанного карандашом; можно разобрать после слова «некогда» и знака-вставки V следующие отдельные слова: «спрут-капиталист, лоща которые только что в лучшие самые из окорока ветчины смотрел (?) на».

Работая над рукописью, Блок стремился к максимальной точности. Так, например, в предложении «которая пробовала подписать внеочередную бумагу» он не сразу нашел нужное ему словосочетание: первоначально он пишет «бумагу», затем вставляет «экстренную» и исправляет на «внеочередную».

В предложении: «В этой комнате я нашел трех барышень, которые, занимаясь маникюром, всесторонне обсуждали вопрос о предстоящем воспрещении отношений лиц женского пола с лицами мужского пола в некоторых губерниях...» — автор не сразу определил предмет обсуждения «трех барышень». Первоначальный вариант был «о закрытии рынков в общегосударственном масштабе», затем «о предстоящем воспрещении отношений с лицами мужского пола в некоторых губерниях». И лишь вставив в новую фразу, заменившую первоначальный вариант, слова «лиц женского пола», Блок счел новый вариант окончательным. Иногда автор зачеркивал начатое, заменяя другими словами. Так, в предложении, начинающемся словами: «Действительно, стоило...» — первоначально было «действительно», и далее начатое слово остается непрочитанным. Оно может быть прочитано лишь предположительно: а) о дальн(ейшем?); б) в одном (?); в) оно должен (?). Блок ищет необходимый ему зачин фразы. Так, в словосочетании, начинающемся предложением: «Перед столиком сидели...», не сразу было найдено начало фразы. Автор обдумывал варианты. Первоначальный: «Два человека, которые сидели там» — заменен на другой: «Там сидели перед маленьк(им) стол(иком)». Отбросив эти варианты, Блок останавливается на третьем. Многочисленность вариантов в столь небольшой по объему рукописи — свидетельство напряженной работы творческой мысли Блока.

Родившийся в лоне переписки фельетон Блока приобрел самостоятельное значение. Контекст переписки обнаруживает, что Ремизов вовлек Блока в литературную игру. Он предложил тему — немота поэта под гнетом обстоятельств. В первом письме тема определена в четверостишии, напоминающем известные лермонтовские строки:

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять;
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать⁸.

Во втором письме эта тема снова повторяется, но теперь Ремизов, процитировав устное высказывание Блока: «Ничего не пишу и не могу писать: гнет такой», просит выразить «это стихом».

Ремизов предложил и принцип художественного решения темы — путь обыгрывания полисемантизма образа-символа, рожденного словосочетанием «красная печать».

Периодика послереволюционных лет представляет примеры употребления словосочетания «красная печать» как нового понятия, рожденного эпохой. В январе 1919 г. торжественно отмечалась первая годовщина со дня создания «Красной газеты»⁹. Статья Н. Шелавина, посвященная этому событию, была озаглавлена «Торжество красной печати» и завершалась следующими словами: «Торжествует красный коммунизм и торжествует красная печать. Победили красные рабочие, красная свобода печати для революционных масс, победили красные газеты»¹⁰.

Вполне вероятно, что приведенным выше письмам Ремизова предшествовало обсуждение в среде Обезвөлпала смысла этого нового понятия, изначально не отличавшегося четкой определенностью и в дальнейшем не выдержавшего испытания временем. Из контекста переписки, особенно из письма Ремизова от 31 августа 1920 г. написанного уже после того, как Блок выполнил заказ Ремизова, видно, что между Ремизовым и Блоком установилось полное взаимопонимание. Но этот же контекст показывает, насколько непредсказуемы повороты ищущей мысли художника. Блок принял условия предложенной ему литературной игры, но сделал неожиданный ход. Тема немоты поэта была им реализована прямолинейно и однозначно — «фигурой умолчания»: поэт не написал ожидаемых от него стихов. Вместо стихов он прислал прозу, черновой набросок в форме официального послания. Это решение было неожиданным, но правомочным, оно вытекало из ремизовского «сценария»: в письме содержался официальный запрос из Обезвөлпала, организации, претендующей на статус общества писателей, художников, музыкантов, ученых. Этот запрос был подписан «канцеляристом» Ордена, что и позволило Блоку откликнуться произведением, стилизованным под официальный ответ.

«Ответ на вопрос о красной печати» трагичен по своему звучанию. Он написан в трудный для Блока последний год его жизни, когда поэт не выходил из состояния глубокой подавленности. Причин тому было немало. Поскольку научная биография Блока еще не написана, а послеок-

тябрьский период его жизни и деятельности изобилует непроясненными и многие десятилетия замалчиваемыми проблемами (это стало явным после публикации к 100-летию со дня рождения поэта многих материалов), пока можно говорить лишь о некоторых из этих причин. Главное, вероятно, состояло в том, что Блок не смог пережить расхождения своих романтических максималистских представлений о революции с трагической реальностью петроградского бытия послереволюционных лет. Поэту, представлявшему себе революцию явлением космического масштаба, «мировым циклоном» (VI, 12), несущим полное обновление жизни, казалось, что «поток революции иссяк» и даже что «революция окончилась» (VI, 485), не свершив своего предназначения — «переделать все» (VI, 12). Датой окончания революции Блок называл весну 1918 г. (VI, 485). Возможно, что из этих представлений поэта и вытекают его суждения о послереволюционных годах как о «щели истории, в которую мы попали» (наст. том, кн. 2, с. 347). Как писала М. А. Бекетова: «Революционные огни погасли, кругом было серо и уныло. Александр Александрович был глубоко разочарован и замкнулся в своей печали. Он не слышал уж большие шума от падения старого мира, „музыка революции“ отзвучала, все сводилось к пайкам и нудной борьбе за кусок хлеба»¹¹. Как пишет Л. К. Долгополов, относясь с предубеждением «к мерам, которые предпринимались Советской властью (введение нэпа, закрытие буржуазных органов печати и частных издательств, меры по отношению к эсеровской партии и др.), он объективно оказывался во власти обстоятельств, из которых не видел исхода»¹².

Уставший за долгие годы от напряженного жизненного ритма (его угнетала загруженность многочисленными служебными делами организационного характера), измотанный все усложняющимися условиями трудного быта послереволюционного Петрограда (поэту чем дальше, тем больше приходилось прилагать усилий, чтобы заработать на жизнь — от нужды и недоедания страдал и он сам, и его близкие), Блок начал обостренно реагировать на все, что ему представлялось посягательством на свободу личности (например, ночные дежурства у ворот дома, воинская повинность, «дровяная повинность» и т. п.). Но особенно обостренно реагировал он на то, что воспринималось им как посягательство на его творческую свободу: нескончаемые служебные дела, многочасовые заседания, доводившие Блока до состояния «выпитости», не оставлявшие ему ни времени, ни сил для занятия поэтическим творчеством. Еще в начале 1919 г. в письме к Н. А. Нолле-Коган поэт сетовал: «...я не принадлежу себе, я научился писать стихи и думать о стихах. Я не выхожу из мелких забот, устаю почти до сумасшествия, приходится думать о еде, протоколах, дровах, гонорах и пр.» (наст. том, кн. 2, с. 333). Не способствовали выходу Блока из состояния подавленности и разногласия творческого и организационного характера с коллегами по «Всемирной литературе» и издательству З. И. Гржебина. К. Чуковский рассказывал о памятном ему заседании в марте 1920 г., на котором Горький подверг острой критике первый вариант вступительной статьи Блока к однотомнику избранных произведений М. Ю. Лермонтова. Блок слушал молча, лишь «грустнее, надменнее, замкнутее становилось его лицо»¹³. Не согласившись ни с одним из аргументов главы редколлегии «Всемирной литературы», он не внес в свою статью ни одного из тех положений, на которых настаивал Горький: Блок отстаивал свое право и в массовом издании, адресованном читателю, еще лишь приобщающемуся к культуре, выразить свое выношенное годами представление о любимом поэте. Гневное письмо написал Блок 31 августа 1920 г. в Литературную Коллегию издательства З. И. Гржебина. Он протестовал против издательского произвола З. И. Гржебина, позволившего себе без согласования с автором увеличить тираж его сборника «За гранью прежних дней», книжки, «предназначенной для немногих», с пяти тысяч до четырнадцати тысяч. Блок выдвигал неперемное условие, чтобы в дальнейшем Гржебин согласовывал с ним все вопросы, связанные с подготовкой его рукописей к печати¹⁴.

По затронутым в нем проблемам общественного бытия «Ответ на вопрос о красной печати» перекликается с отдельными записями Блока второй половины 1918 и 1919—1920 гг. в дневнике и записных книжках, «Запиской о «Двенадцати», речами и рецензиями этих лет. Соотносимы с «Ответом на вопрос о красной печати» статья «Сограждане» и отчасти «Русские дэнди». Сближает их максималистская позиция автора, пристально всматривающегося в окружающую повседневность и подвергающего анализу новые явления в культурной жизни и быту, и его трагическая ирония, перерастающая в гневно-сатирическое отрицание уродливых явлений в повседневной жизни тех лет. Постановка жизненно важных для художника проблем в послереволюционные годы, таких, как свобода личности, свобода творчества, острота их переживания, сближают «Ответ на вопрос о красной печати» с декларацией «Издательство „Алконост“»¹⁵ и с предсмертным произведением поэта — стихотворением «Пушкинскому дому» и речью-завещанием «О назначении поэта».

По своей жанрово-стилистической специфике «Ответ на вопрос о красной печати» не имеет аналога в наследии Блока. Новым моментом, отличающим этот фельетон от других произведений прозы Блока, является широкое введение в его художественную ткань газетной лексики. Причем вводится лексика рабочей газеты, название которой приведено в тексте. Среди этих слов-понятий — «ответственная работница», «бывшие», «примазавшиеся», «кожаные фуражки», «саботажники» и др. Наряду со словами-понятиями, рожденными новым временем, в произведение вошли аббревиатуры и новые названия. Повсеместное внедрение в жизнь аббревиатур произошло после революции. Громоздкая нелепость некоторых из них давала пищу фельетонистам. Так, например, корреспондент «Красной газеты» обратил внимание на московскую вывеску «Укомбола», заставлявшую подивиться чьей-то странной фантазии, скрывшей под этим причудливым сокращением название «уездного комитета большевиков»¹⁶. Аббревиатуры в фельетоне Блока скорректированы или являются авторским словотворчеством. Так, например, название «Спиртобаза» является авторской выдумкой, но отталкивался Блок от реально существовавшего в Петрограде тех дней новорожденного обозначения «Госспирт». Рукопись сохранила следы авторского поиска в обозначении этого учреждения. Аббревиатура «Авторев» создана автором, учреждения под таким названием не существовало. На ее рождение проливают свет обстоятельства, о которых вспоминает Н. Павлович: «Нужно было устроить Марии Андреевне командировку в Петроград. 25 августа 1920 г. мы сочинили ей вызов от Союза поэтов и много при этом смеялись. Он рассказывал о шуточных мандатах, которые он выдавал матери и жене — „Рев-маме“ и „Рев-Любе“» («Блоковский сб.» 1, с. 462).

Новые названия, упоминаемые в фельетоне, так же как и аббревиатуры, могли быть как взятыми из реальности послереволюционного Петрограда, так и являться авторской выдумкой, восходящей к наблюдаемому в жизни действительной. Среди введенных в фельетон названий — реально существующие «Красная станция Лигово», «Революционная Балтийская дорога». Авторским вымыслом явилось новое название бывшего «Дунькина переулка», нареченного в фельетоне «проспектом тов(арища) Кацеленбогена».

Введение языка газеты в строй художественного произведения Блока означало, что в его взглядах назревали важные перемены. Хотя язык газеты начал исподволь проникать в прозу Блока с 1908 г.¹⁷, автор статьи «Искусство и газета» (1913) возводил между литературой и газетой непроницаемый водораздел, поскольку был убежден, что литература обращена к «мирам иным», а газета — «к злобе дня» (V, 475). Это убеждение Блок пронес через годы, и в послереволюционный период он неизменно считал существенным недостатком рецензируемых им произведений «газетно-журнальный язык» (VI, 331). Открыв в своем фельетоне шлязы для языка рабочей газеты, он использовал новый для него языковой материал для решения вставших перед ним задач — достижения особой художественной выразительности. Газетная лексика, введенная в художественный текст, демонстрирует различные функции слова в публицистике и в художественной прозе (см. примечания к тексту фельетона).

Фельетон отличает жанровая усложненность. Форма делового послания (официального ответа на запрос из Обезвельволпала) вместила в себя повествование о хождениях по государственным учреждениям в поисках ответа на вопрос, ждущий прояснения. Повествование составили три эпизода, из которых мы узнаем о посещении трех государственных учреждений. Каждый из этих эпизодов вырастает в маленькую новеллу. Один из эпизодов (посещение справочного бюро) имеет вспомогательное значение.

Форма делового послания явилась внешней рамкой, в которую помещено повествование, в свою очередь ставшее обрамлением для отдельных новелл, имеющих самостоятельное значение и в то же время являющихся составной частью единого целого.

Обращение к форме официального послания повлекло за собой введение в заглавие и текст фельетона оборотов деловой речи, довольно многочисленных для столь небольшого по объему произведения. Среди этих оборотов: «ответ на вопрос», «в сообщаемом вами», «получить требуемую справку», «обратиться к сети учреждений», «обслуживающих», «учреждение, ведающее», «в настоящее время сообщая вам, что никакого ответа дать не могу», «был подвергнут личному задержанию», «на сопроводительном бланке (...) за № (...)», с коим». Блок помнил и о том, что сообщение в деловой бумаге должно отличаться точностью. Поэтому, описывая интерьер «Спиртобазы», он сообщает, что «в гигантском зале стояло *одно* кресло» (не просто — кресло). Помимо этого, приводятся цифры, обозначающие вес содержимого пайка, за которым встали в очередь ответственные работники «Центропечати», и указан исходящий номер на бланке «Авторева».

Официальное послание, вместившее в себя повествование, состоящее из нескольких новелл, написано от лица автора-повествователя. Автор-повествователь очень экспрессивен: он горько иронизирует, описывая увиденное, прибегает к сатирическим краскам, а порой и к гротеску. При этом повествование осложняется элементами сатирического очерка-зарисовки интерьера государственных учреждений и установившегося в них стиля работы и взаимоотношений между служащими. Голос автора-повествователя иногда пересекается с голосами рассказчиков. Используются элементы сказа. В фельетоне реализуется попытка воспроизвести новые стереотипы мышления. Штрихами очерчен вульгарно-социологический взгляд на мир, с характерным для него упрощенным представлением об общественной иерархии прошлого («при царизме»). Общество при этом представлялось разделенным на оппозицию: верхи и низы. К верхам относились банкиры, помещики, спрут-капиталист, к низам — рабочие и крестьяне. Если уделом первых считалась вольготная праздная жизнь и доступность всех яств (вспомним «засаленные ногти» «спрута-капиталиста», которые он (...) «жадно запускал в лучшие и наиболее жирные куски окорока ветчины»), то уделом вторых — придавившее их ярмо непосильного труда.

Голос рассказчика, осложняя голос автора, сливается с ним. При описании «Центропечати» и «Спиртобазы» выстраивается оппозиция прошлого и настоящего («некогда» и «теперь») этих учреждений. Причем прошлое — «то, что было „некогда“, — «при царизме», — рисуется из видения немудрящего рассказчика. Состояние же посещаемых учреждений «теперь» судит автор-повествователь. Рассказывая о воцарившейся там «мрзости запустенья» (разбитые зеркальные окна, поломанная и разбросанная мебель, вечно текущий водопроводный кран), о бюрократической волоките, сонной одуре, досужих сплетнях, очереди за пайком «ответственных работников» «Центропечати» и буйном пьяном разгуле на безлюдной «Спиртобазе», автор-повествователь не может скрыть ни горечи, ни иронии. При этом его иронический настрой распространяется и на рассказчика, осложняя его «немудрящее» представление о мире несвойственной ему едкой желчью.

Автор-повествователь вносит в фельетон очень напряженный эмоциональный тон, а вместе с ним в эпическое произведение врывается лирическая струя. Из лирики перенесен в прозу принцип метафорического развертывания образа-символа. Смена значений образа-символа «красная печать» становится движущей пружиной развития сюжета в фельетоне. Классическим примером произведения, художественным центром которого стал многозначный образ-символ, является знаменитое стихотворение «Незнакомка», а также и лирическая драма с одноименным названием. Перенесение этого принципа в прозу осложнило жанр фельетона, усилив в нем лирическое начало.

Три значения образа-символа «красная печать» соответствуют трем этапам поисков героя-повествователя, в ходе которых он знакомится с «Центропечатью», «Спиртобазой» и «Авторевом». В ремизовском Обезьяньем Ордене и у его литературных соратников была выработана художественная установка — «превращать быт в анекдоты»¹⁸. Рассказанная Ремизовым в письме от 23 или 24—28 августа 1920 г. история обследования рынков построена на этом принципе. Блок, руководствуясь принятым в этом кругу, завершает каждый из эпизодов эффектом неожиданного. (Обманутое ожидание, «взрыв связанного сознания» — принцип анекдота.) В «Центропечати» герой столкнулся с бюрократической волокитой. В учреждении, ведающем печатью, он услышал от молодого человека, что «нет никакой красной печати». Возможности анекдотического поворота темы использованы, но довольно робко. При описании «Спиртобазы» начала анекдота проработаны увереннее. В учреждении, где хранится спирт промышленного предназначения, любознательный искатель нашел среди полного запустения нескольких работников, пребывающих под воздействием веселящего зелья, по-видимому из тех бутылок, которые валялись тут же с «отбитыми горлышками». Будучи в состоянии опьянения, они не смогли ответить на заданный им вопрос.

Если первый эпизод построен на оппозиции: учреждение, ведающее печатью, и чиновники, не ведающие ничего; то второй эпизод построен на иной оппозиции: красная печать, закупоривающая «мерзавчики» — бутылки с отбитыми горлышками (veto, наложенное «красной печатью» на спирт промышленного предназначения в данном случае снято самым примитивным, варварским способом). Благодаря гротеску символика приобретает особую выразительность.

История «личного задержания» настойчивого искателя, вступившего на порог «Авторева», и последующей отправки его на огород подана в духе мастерски отточенного анекдота. Держится она на оппозиции: свобода раздумий — парализованная обстоятельствами свобода действий. Любопытный штрих: подвергнутый «личному задержанию» герой-повествователь потерял слух. Пространство «Центропечати» было наполнено голосами служащих; пространство «Спиртобазы»

звенело разноголосьем: здесь слышны «бодрые звуки балалайки», «удалой мотив народной песни», в которой можно было различить «слова», прозвучали антисемитские призывы пьяных служащих. Пространство «Авгорева» осталось для ошеломленного посетителя немым. Слух был потерян, но зрение обрело большую остроту. Красную печать на служебном бланке он увидел в момент сильнейшего душевного потрясения. Скрепленный ею официальный документ под многомиллионным номером, оканчивающимся не целым числом, а дробью (таково в фельетоне гротескное изображение бюрократизма!), возник перед ним как фантазмагория. Вспомним, что Незнакомка и в стихотворении «Незнакомка», и в одноименной лирической драме появлялась в видениях героя, чье потрясенное сознание было подготовлено к странному, ирреальному.

В фельетоне в изображении красной печати в соседстве с многомиллионным дробным номером проглядывает гримаса дьяволиады, происк темных сил «хаоса», мирового зла. Блоку казалось, что «темные силы» «не в переносном смысле слова» могли вмешиваться в людские дела (VI, 388). Эта отменная Д. Е. Максимовым в поздней прозе Блока тенденция к романтической мифологизации действительности¹⁹ претворилась и в его фельетоне: романтическая мифология вторглась в строй произведения, возникшего на реально-исторической основе. Пересечение бытового с ирреальным резко усилило трагическое звучание произведения.

Многозначность образа-символа «красная печать» в фельетоне Блока была predeterminedлена Ремизовым. У Блока этот образ-символ приобрел свои варианты значений. Первое из них — красная печать как официальная пресса послереволюционных лет; второе — красная печать как способ закупки емкостей для спирта; третье — красная печать как штамп красного цвета. Последнее из них, возникшее в завершающей фразе наброска, — красная печать — штамп на служебном бланке — опять-таки могло опираться на фантазию неистощимого на выдумки Ремизова. Блоку, вероятно, была хорошо знакома та круглая печать, выполненная в красновато-брусничных тонах, которую Ремизов любовно вырисовывал на своих посланиях-грамматах друзьям. В поступивший в Пушкинский Дом в 1977 г. «Альбом» В. А. Богуславской-Щеголевой вклеена «Обезьянья грамота», нарисованная Ремизовым и адресованная П. Е. Щеголеву. На этой грамоте под текстом выведена красная печать. Контур этой печати обведен черными чернилами, по ободку печати прочитывается четкая надпись: «Обезьянья печать» — и дата — МСМ XII (1912). Внутри печати — помещены излюбленные Ремизовым знаки в виде животных и птиц, чьи головки, лапки и хвосты Ремизов тщательно вырисовывал. Рисунки, намеченные черными чернилами, раскрашены карандашом красновато-брусничного цвета. Грамота снабжена многочисленными имитированными подписями членов и кандидатов в члены Обезвельволпала. Среди этих подписей и подпись Блока²⁰.

Блок озаглавил свой фельетон точно и однозначно — «Ответ на вопрос о красной печати». Поэт дал в нем ответ на вопрос, заданный ему Ремизовым, на специфическом языке искусства символистов. Произведение получилось «зашифрованным». Ключ к этому «шифру» отыскивается в письме Ремизова от 31 августа 1920 г. Ремизов вспомнил в нем свое давнее произведение о коробке с красной печатью, о свойстве той красной печати вводить в заблуждение, утаивая то, что было жизненно важным для ее владельца. Тюремщики принимали ее за казенную, а она была кондитерская и скрывала от непосвященных в ее тайну бумагу и карандаш — утешение узника в заточении.

Блок как-то заметил: «Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение» (ЗК, 84). Если руководствоваться этим суждением поэта, анализируя его произведение в прозе, то нельзя не заметить, что ответ Блока Ремизову в фельетоне держится не на словах, а на нескольких «звездных» фразах. Одну из них произносит в «Центропечати» («молодой человек»): «нет никакой красной печати». Другую, дважды повторенную, Блок заключил в форму городского куплета о Шалапине, услышанного героем-повествователем на «Спиртобазе» («Сидит Шалапин на панели»). А третью заменил виденный дотошным искателем служебный бланк с фантастическим номером, скрепленным красной печатью. Эти две прозвучавшие в фельетоне фразы вместе с возникшим видением приоткрывают завесу над ответом поэта на заданный ему вопрос.

«Перевод» символики на язык логики обычно гипотетичен и условен, поскольку символ по своей природе многозначен и скорее намекает на то, что имеет в виду автор, чем точно определяет его мысль или его суждение о каких-то фактах или явлениях. Отдавая себе отчет в своеобразии «языка» художественного произведения Блока, тем не менее рискуем «перевести» на язык дефиниций то, ради чего и был написан этот фельетон. При этом не будем выпускать из виду, что черновой набросок Блока рожден в театрализованной атмосфере Обезвельволпала и сохраняет

«игровое» начало, нечто от шутки художника, хотя шутка, коснувшись того, что было «болевой точкой» поэта, получилась горькой. Как в Обезвельволпале за шутовством и балагурством пряталась не оставлявшая участников кружка ни на миг тревожная дума о проблемах своего времени, так и в многопланном фельетоне Блока за изображением трагикомических сценок и ситуаций в учреждениях, от которых протянуты нити к культуре («Центропечать»), промышленности («Спиртобаза»), сельскому хозяйству («Авторев»), пробивается традиционная для русского писателя гнетущая дума о России, современности, о судьбах поэта и поэзии.

Причины немоты поэта, уходящие своими корнями в объективные обстоятельства послереволюционной действительности, по-своему осмыслены Блоком в свете его представлений о мироздании и истории, приверженности максималистскому идеалу и бескомпромиссному отрицанию того, с чем поэт мириться не хотел и не мог. Поэт не мог не осознавать сложности положения старой художественной интеллигенции, принявшей революцию, в послереволюционные годы: в период, когда старое разрушено, а нового еще нет, она попала в трудную психологическую ситуацию, определенную в статье Блока «О назначении поэта» как «отсутствие воздуха» (VI, 167). Исхода из этой драматической ситуации Блок, понимавший, что старая культура уходила в прошлое, не видел.

В среде Обезвельволпала скептически отнеслись к возникшему при утверждающемся узкоклассовом подходе к культуре паллиативу «красная печать». Скорее всего, это понятие отождествлялось ими с теми литературными произведениями, порожденными «злостью дня», которые появлялись на страницах официальной прессы. «Красная газета» в 1919—1920 гг. регулярно печатала Д. Бедного, обычно подписывавшего свои так называемые «колокольни» излюбленной им подписью: «Красной вышки звонарь». Наряду с Бедным публиковались В. Князев и Илья Садофьев. Естественно, что у профессиональных деятелей культуры, объединившихся в «Обезвельволпале», не могли встретит сочувствия произведения, о художественной ценности которых можно судить, например, по стихотворению «Советский коробейник» В. Князева, рекламирующего книжную торговлю²¹.

Ой, полным-полна коробушка,
Есть и Горький и Роллан,
Выбирай, душа-зазнобушка,
Интереснее роман.

Кто с коммуною парижскою
Познакомиться не прочь?
Вот Арну: Торлана тискаю;—
Проведешь за книжкой ночь!

«Овод» — Войнич; Богданова —
«Манн» и «Красная звезда»
Переладят душу наново:
Станет красной навсегда!

Ой, полным-полна коробушка,—
Все о воле да борьбе;
Выбирай, душа-зазнобушка,
Книжку по сердцу себе.

Максималистски настроенный Блок в своих речах и статьях с присущей ему страстностью пытался убедить своих слушателей и читателей: «нельзя зарывать в землю искусство двадцати пяти столетий», поскольку «другого искусства нет» (VI, 299). Он не мог мириться с наблюдаемым им в послереволюционные годы падением культуры, не мог мириться и с паллиативами: «не следует давать имя искусства тому, что называется не так» (VI, 168)²². Как представлялось Блоку, в обстановке ориентации на паллиативы, определенной чиновниками от культуры, художник-профессионал обречен — на его долю выпадает лишь губящая его призвание нескончаемая работа ради хлеба насущного, изматывающая его физически и нравственно.

Дважды повторяющаяся фраза: «Сидит Шалапин на панели» — в традиционной форме «городского куплета», завершающегося вопросом: «Ну так что жа?», обнаруживает, что Блока травмировало отсутствие обратной связи между носителями национальной культуры и массами, пребывающими в состоянии отчуждения от этой культуры. Его удручало безучастное отношение народа к трагическому положению тех, кто являлся национальной гордостью России. Еще более травмировало Блока то, что в послереволюционной Советской России активно проявляли себя «темное», разрушительное, и «распутинское» (VII, 297) начала, которые представляли угрозу самому существованию того «крылатого», что поэт уловил в большевизме. Ведь куплет о Шалапине пропел на «Спиртобазе» антисемитски настроенные пьяные служащие в «кожаных фуражках».

Поэт пророчески глядел в будущее: он представлял и ту перспективу, которая вырисовывалась из определившихся уже в те годы зловещих тенденций в жизни страны — нависшая над любым человеком, и в особенности над творческой индивидуальностью, угроза нивелировки личности и превращения ее в подневольную рабочую силу в массовых масштабах. Гипербола в обрисовке

исходящего из «Авторева» «сопроводительного бланка за № 753414513 1/4» («с коим был отправлен в огород С.Р.Ф.С.Р.» «на разгрузку кормовой свеклы») незадачливый искатель смысла новых понятий эпохи) ныне воспринимается как мрачное предчувствие той трагической в своей безжалостной сущности «иронии истории», которой окрашены в России 30-е годы XX столетия.

Публикуемый фельетон, выявив новые, неведомые нам прежде грани дарования Блока-прозаика, существенно обогащает наши представления о его творчестве в послереволюционные годы.

Черновой набросок позволяет говорить о верности поэта традициям русской классики (в их своеобразном преломлении в русском символизме). Не исключено, что появление красной печати на служебном бланке в фельетоне Блока отчасти могло быть навеяно и Гоголем, к которому Блок относился с огромной любовью и священным трепетом. Писатель, в чьи произведения вторгается ирреальная сила («красная свитка» черта, козни колдуна и т. п.), и сам представлялся Блоку в трагическом ореоле демонизма. И не исключено, что гримаса дьяволиады в фельетоне Блока сохранила отсвет мистики Гоголя. При этом воздействие на Блока мистики Гоголя, восходившей к традициям фольклора, осложнилось иными влияниями, истоки которых пока еще представляются довольно расплывчато.

Введение в научный оборот публикуемого фельетона выдвигает проблему изучения наследия Блока-прозаика в широком контексте развития русской литературы XX в. Все то, что обнаружило себя в черновом наброске, — многозначность образа-символа, соединение символики с бытовой сатирой, вторжение ирреального в повседневность, поиски новых жанровых форм — яркое свидетельство творческой активности Блока, неисчерпанности его творческого потенциала. Соотнесение того, что сложилось и еще только назревало в прозе Блока с исканиями художников слова XX в. (Л. Андреева, А. Белого, М. Булгакова, Е. Замятина, Л. Лунца, А. Ремизова, Ф. Сологуба и др., чьими усилиями в 20-е годы создавалось искусство сказа), поможет нам осознать подлинные масштабы дарования Блока-прозаика.

Автограф хранится в С.-Петербурге, в Рукописном отделе Пушкинского Дома — ИРЛИ, фонд 654, оп. 1, ед. хр. 384. Печатается по верхнему слою чернового автографа.

Выражаю сердечную признательность Г. К. Кауровой, А. М. Долотовой, Ю. Е. Галаниной, чья помощь способствовала прочтению чернового наброска Блока, а также сотрудникам группы подготовки Полного академического собрания сочинений и писем Блока А. Л. Гришунину, Д. М. Магомедовой, З. С. Паперному, И. А. Ревякиной за советы при работе над этой публикацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Д. Е. Максимов. Пoesия и проза Ал. Блока. Л., «Советский писатель», 1981, с. 280.

² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 56, л. 79—81.

³ Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955) — советский партийный и государственный деятель. В 1917—1920 — управделами СНК.

⁴ Приписка А. М. Ремизова сбоку под датой: «Успенев день. 28.VIII...».

⁵ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 56, л. 82—83.

⁶ А. М. Ремизов описывает его «Эпитафия» была опубликована в альманахе «Северные цветы» на 1903 год, с. 115—116.

⁷ «Список моих работ» Блок вел с апреля 1918 г. (список хронологически охватывает период с 1898 по 1921 г. включительно) — ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 373.

⁸ Из стих. М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837).

⁹ «Красная газета» — массовая рабочая газета, издание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Основана В. Володарским. Первый номер вышел 25 января 1918 г. С 23 февраля 1918 г. выходила двумя выпусками — утренний и вечерний.

¹⁰ «Красная газета», 1919, № 18, 25 января, утр. вып.

¹¹ М. А. Бекетова. Александр Блок. Петербург. «Алконост», 1922, с. 280.

¹² Л. К. Долгополов. Александр Блок, Л., «Наука», 1984, с. 221.

¹³ К. Чуковский. Лермонтов как человек и поэт. Пг., 1924, с. 44.

¹⁴ ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, ед. хр. 13.

¹⁵ Впервые опубликована И. А. Черновым в кн.: Блоковский сб. 1, с. 532. Близость «Ответа на вопрос о красной печати» к декларации «Издательство „Алконост“» подтверждается адекватностью различий в тексте этих произведений. Так, например, в окончательном тексте «Ответа...» снято упоминание «о закрытии рынков в общегосударственном масштабе». В различиях декларации «Издательство „Алконост“» читаем: «Закрытие лавок уже привело к тому, что люди всех специальностей тратят рабочее время, силы и подметки на хождение с Большого проспекта на Миллионную и стояние в очереди перед „объединенной лавкой“» (Блоковский сб. 1, с. 532).

¹⁶ «Красная газета», 1919, № 193, 28 августа, утр. вып.

¹⁷ Этот тезис обоснован в комментарии к статье Блока «Стихия и культура», написанный Д. М. Магомедовой для Полного академического собрания сочинений и писем А. А. Блока.

¹⁸ Виктор Шкловский. Зоо. Письма не о любви. Издательство писателей в Ленинграде, 1929, с. 37.

¹⁹ Д. Е. Максимов. Указ. соч., с. 426.

²⁰ ИРЛИ, Р1, оп. 3, ед. хр. 126.

²¹ «Красная газета», 1919, № 113, 24 мая, утр. вып.

²² Сравним суждения Блока о театре: «Мы много говорим о новом, рабочем, пролетарском и крестьянском театре, о полной ломке всех доселе существовавших у нас драматических форм. Есть своя трагедия у этих разговоров и этих действий (...)

Перед нами — в прежней неприкосновенности — великая сокровищница старого классического и романтического искусства; этому искусству суждено свершить еще много великих дел, прежде чем его сменит новое, не похожее на старое; не полупохожее, какое мы теперь часто видим, а совсем непохожее, как весь мир новый будет совсем непохож на мир старый» (VI, 347).

ОТВЕТ НА ВОПРОС О КРАСНОЙ ПЕЧАТИ

Почувствовав в сообщаемом вами куплете мелкобуржуазный оттенок, а впрочем отвыкнув иметь индивидуальные мнения, и считаясь с мнениями только коллективными, я решил обратиться к сети учреждений, обслуживающих северную область, и прежде всего, так как вас интересует вопрос о печати — в «Центропечать»¹.

В обширном здании, где некогда толпились банкиры и помещики в синих и зеленых лентях с бриллиантовыми звездами, было теперь пусто. Свежий воздух приветливо врывается в разбитые зеркальные окна, из которых некогда спрут-капиталист, лоша свои засаленные ногти, которые он только что жадно запускал в лучшие и наиболее жирные куски окорока ветчины, смотрел на понурых рабочих и крестьян, занятых непосильным физическим трудом. У одного из таких окон в комнате № 38 я заметил ответственную работницу, которая пробовала подписать внеочередную бумагу, опуская перо в высохшие чернила. Через 3/4 часа она подняла светлое, измученное лицо и ответила просто, что мне следует обратиться в комнату № 598. В этой комнате я нашел трех барышень, которые занимаясь маникюром, всесторонне обсуждали вопрос о предстоящем воспрещении отношений лиц женского пола с лицами мужского пола в некоторых губерниях и направили меня в комнату № 614. Там сидел молодой человек, который ответил мне, что у него нет никакой красной печати, а впрочем, я могу получить требуемую справку в комнате № 4². Дойдя до этой комнаты, я уже не застал там никого, так как все ответственные работники радостно стали в очередь для получения 3/4 селедки и 1/8 ф<унта> чечевицы.

Видя, что государственный аппарат в этом учреждении еще не вполне налажен, я решил обратиться в другое и вспомнил, что красной печатью в старину при царизме мерзавцы-бюрократы запечатывали т<ак> н<азываемые> мерзавчики. Ввиду того, что спирт необходим для технических целей, я решил, что в период мощного строительства и напряжения всех сил до последней победы над разрухой, причиненной царизмом и войною капиталистов, должно существовать центральное учреждение, ведающее этим делом. Действительно, стоило мне обратиться в центральный справочный отдел, расположенный на красной ст<анции> Лигово революционной Балт<ийской> жел<езной> дороги, как мне указали, что существует такое учреждение — «Спиртобаза».

«Спиртобаза» помещается на проспекте тов<арища> Кацеленбогена (б<ывший> Дунькин переулок)³. Войдя в огромное здание, где еще так недавно ненавистные дипломаты устраивали ночные оргии, я с удовлетворением заметил, что оно передано в надежные руки. В гигантском зале стояло вверх ногами одно кресло с вывороченными пружинами, а из водопровода, некогда

М. А. М. Е.

кушайте на
здоровье!

О.Т.
С.А.Ш.И.Н!!! к.и.

Удостоверение.

№356897415896. адк.

Пред!!! явитель сего

РЕВ.

МАМА.

Председатель: Ревсама

Секретарь: Ревлюба

ШУТОЧНЫЙ РИСУНОК БЛОКА (1919?)

Центральный архив литературы и искусства, Москва

предательски замурованного в стене, била светлая струя воды, как бы лущенная самую природою для того, чтобы замить гнусные следы оргии на догнивающем паркете⁴. Все комнаты были пусты, только из самой задней доносились бодрые звуки балалайки и удалой мотив народной песни, в которой я различил слова:

Сидит Шаляпин на панели—

Сережа!

Сидит Шаляпин на панели—

Ну так что жа?⁵

Приотворив дверь, я захотел приветствовать товарищей, которые самый тяжелый труд сопровождают бодрой песней, но глазам моим представилась отвратительная картина. Перед столиком сидели явные саботажники, несомненно—из бывших министров или банкиров⁶. Костюм их состоял из одних только кожаных фуражек⁷, надвинутых на уши, на полу валялось несколько пустых бутылок с отбитыми горлышками, и на все вопросы, которые я задавал им, они, будучи в явно контрреволюционном состоянии, могли отвечать только одно: «Гуварыш, бей жидов!»⁸ Тут я понял всю справедливость утверждений «Красной газеты»⁹, что примазавшихся¹⁰ надо без сожаления вышвырывать из своей среды. Испытав неудачу в двух учреждениях, я решил обратиться в третье, самое осведомленное и влиятельное, «Авторев». Едва вступив на гостеприимный порог «Авторева», я был подвергнут личному задержанию и в настоящее время сообщаю вам, что никакого ответа на ваш вопрос дать пока не могу, так как отправлен на разгрузку кормовой свеклы в общегосударственном масштабе¹¹. Тем не менее, я по-видимому близок к разрешению этого вопроса, так как на сопроводительном бланке «Авторева» за № 753414513 1/4, с коим я был отправлен в огород С.Р.Ф.С.Р., стояла красная печать.

<Август 1920>

Рукопись испещрена поправками (см. вступительную статью). Ниже печатаются разночтения. Слева курсивом выделены слова публикуемого текста. Справа — предыдущие варианты. В тех случаях, когда их было несколько, последовательность обозначена цифрами.

К стр. 15

в сообщаемом вами

мелкобуржуазный

а впрочем

мнениями

лентах с бриллиантами звездами,

приветливо врывался

спрут-капиталист, лоцца свои засаленные ногти, которые он только что жадно запускал в лучшие и наиболее жирные куски окорока ветчины, смотрел на понурых

окон в комнате № 38

ответственную работницу

пробовала

подписать

внеочередную бумагу

светлое, измученное

В этой комнате я нашел

которые, занимаясь маникюром, все-сторонне обсуждали

о предстоящем воспрещении отношений лиц женского пола с лицами мужского пола в некоторых губерниях

никакой красной печати

Дойдя до

радостно стали

в старину

мерзавцы-бюрократы запечатывали

центральное учреждение

Действительно, стоило

мне

расположенный

— в вашем

— тот мелкобуржуазный

— но

— мнением

— лентах,

— врывался

— 1. спрут-капиталист, <1 нрзб.> смотрел <?> на понурых

2. Динамика работы над текстом не восстанавливается из-за сплошного вымарывания написанного карандашом; можно разобрать после слова „некогда“ следующие отдельные слова: спрут-капиталист, лоцца которые только что в лучшие самые из окорока ветчины смотрел <?> на

— 1. окон

2. окон в комнате № 1926

— барышню

— опускала перо в высохшую чернильницу

— написать

— 1. бумагу

2. экстренную бумагу

— измученное

— Когда я дошел до этой комнаты, я нашел

— 1. которые обсуждали

2. которые всесторонне обсуждали

— 1. о закрытии рынков в общегосударственном масштабе

2. о предстоящем воспрещении отношений с лицами мужского пола в некоторых губерниях

— никакой печати

— Когда я дошел до

— стали

— как в тексте

— запечатывали мерзавцы-бюрократы

— учреждение

— Действительно, <1 нрзб.>

<предположительно:> 1. о дальн<ейшем?>

2. <в одном?>

3. я должен?

— как в тексте

— помещающийся

<i>на красной ст<анции></i>	— на ст<анции>
<i>революционной Балт<ийской></i>	— Балт<ийской>
<i>как мне</i>	— мне
<i>существует такое учреждение «Спирто-база»</i>	— 1. существует «Центроспирт» 2. существует такое учреждение «Центр-спиртобаза»
<i>«Спиртобаза»</i>	— «Центрспирт»
<i>еще</i>	— прежде еще
<i>зале</i>	— здании
К стр. 16	
<i>как бы пущенная самую природою для замыть</i>	— как бы самую природою пущ<енная?> — <1 нрзб. предположительно:> заме<сти?>
<i>Все комнаты были пусты, только из самой задней доносились</i>	— из самой задней комнаты доносились
<i>бодрые звуки</i>	— звуки
<i>удалой мотив</i>	— удалые звуки
<i>на панели —</i>	— на панели,
<i>бодрой</i>	— бодрым
<i>Перед столиком сидели</i>	— 1. Два человека, которые сидели там 2. Там сидели перед малень<им> сто-лик<ом>
<i>явные</i>	— явные из бывших
<i>несомненно — из</i>	→ явно из
<i>на уши,</i>	— на уши, и, на все вопросы
<i>они,</i>	— они могли
<i>понял</i>	— почувствовал
<i>третье</i>	— третье, которое осведомлено относитель-но всего, что
<i>пока</i>	— еще
<i>разгрузку</i>	— выгрузку
<i>по-видимому, близок</i>	— близок

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центропечать — Центральное агентство Всероссийского Центрального Исполнительного комитета (ВЦИК) по распространению печати, созданное декретом ВЦИК 26 ноября 1918 г. Северную область страны обслуживала «Севцентропечать». О деятельности «Севцентропечати», ведавшей делом распространения газет, писалось в статье М. Лисовского «Газетный голод» в «Красной газете» от 10 августа 1919 г. (№ 179, утр. вып.). 24 декабря 1919 г. та же газета (№ 295, утр. вып.) доводила до сведения населения, что в результате национализации книжных издательств, книжных складов и книжных магазинов «все национализированные склады переходят к „Севцентропечати“, что даст возможность установить контроль над частной книготорговлей» (статья «Книжные магазины национализированы» за подписью: В. Г.).

Функции Центропечати в 1918—1920 гг. были многообразными. Помимо распространения печатных изданий среди населения, в обязанности Центропечати входило снабжение печатными изданиями армии, организация агитпоездов, выпуск граммофонных записей и т. д.

² В прессе регулярно появлялись материалы, резко критикующие работу новых учреждений: «Нередки случаи недельного путешествия из одного учреждения в другое за одной и той же справкой» (Л. «Навстречу читателям» — «Красная газета», 1919, № 18, 25 января, утр. вып.). «Нельзя не обратить внимания на зло канцелярской волокиты. Если случится надобность побывать в совете народного хозяйства, то прежде всего бросаются в глаза барышни и дамы, занятые чтением книжек или просто скучающие от безделья. Они посылают посетителя из одного отдела в другой. Поэтому, чтобы получить какой-нибудь предмет, нужно побывать в семи или восьми отделах и подотделах. Необходимо избавить от скуки и безделья всех барышень, получающих

тысячные жалованья за безделье, и дать им работу, дабы они приносили пользу в созидании нашей жизни» («Случайные заметки» (с подзаголовком «Книжки читают»), без подписи.— «Красная газета», 1919, № 138, 21 июня, утр. вып.).

«Очень часто <...> приходится выслушивать бесконечные жалобы на наши центральные учреждения, на тот беспорядок и крайнюю медлительность в работе, которые и поныне процветают в этих богоспасаемых департаментах <...>. Стоит только поближе присмотреться к деятельности центральных учреждений, чтобы убедиться в той преступной небрежности, с которой ведется в них работа <...>. Пресловутый саботаж не изжит до сего времени <...>. Штаты служащих увеличиваются, увеличиваются часы занятий, а попробуйте-ка новости нужную вам справку. После долгого перелистывания всех этих входящих и исходящих журналов вам обычно говорят: „Зайдите завтра, мы подыщем“ <...>. А „завтра“ оказывается, что бумага или затеряна, или не исполнена, или, наконец, передана в другое учреждение, где вам предстоит такое же хождение по мукам» (А лектор. «Когда же конец?»— «Красная газета», 1919, № 212, 20 сентября, утр. вып.).

³ Дунькин переулочек с 7 ноября 1918 г. стал называться Крестьянским переулочком (см.: К. С. Горбачев, Е. П. Хабло. Почему так названы? Лениздат, 1985, с. 188). Блок прибегает к художественной вольности, переименовав Дунькин переулочек в «проспект товарища Каценеленбогена». Среди окружения Блока в Петрограде был И. М. Каценеленбоген — переводчик трактата Рихарда Вагнера «Искусство и революция». Возможно, его фамилией и было навеяно то название переулочка, которое попало в фельетон.

⁴ Преступное небрежение к памятникам культуры и местам общенационального значения вызвало резкие выступления в печати. 10 июля 1919 г. в «Красной газете», № 152, утр. вып. была опубликована подборка фактов под заголовком «Прорехи и пятнышки» за подписью «Глаз недреманный»: «На Марсовом поле, на месте дорогих могил валяются какие-то громадные камни, щебень, проложены рельсы, протянуты блоки. И над всем никакого движения. Кто-то начал постройку и бросил. Позорят Питер!»

⁵ Куплет о Шаляпине контрастирует с реальностью: в конце апреля 1919 г. в Мариинском театре состоялась чествование Ф. И. Шаляпина в связи с «20-летним юбилеем службы в государственных театрах» (см. статью Е. Кузнецова «Шаляпин-Демон» в «Красной газете», 1919 г., № 91, 26 апреля, утр. вып.).

Блок использовал форму «городского куплета», вероятно широко распространенного в 20-е годы. Николай Старшинов в своих мемуарных очерках, опубликованных недавно, рассказывает о встрече с Н. Заболоцким, вспомнил и «песенку», которую он прочитал поэту, развеселив его: (Старшинов связывал эти строки со временем нэпа)

Я летел, летел, летел.
Сережа.
Лаптем барыню задел.
Ну и что жа?
Извиняюсь, мадам!
Сережа.
Эти лапти я продам.
Ну и что жа?

(Николай Старшинов. В Голицыно, в былые годы. Раздел «Улыбка Заболоцкого». — «Юность», 1988, № 12, с. 90).

⁶ В произведении иронически обыграна тема, неоднократно поднимавшаяся в рабочей газете: «...в том же совнархозе имеется очень значительный слой „бывших людей“». Эти обломки капиталистического государства занимают теперь места низших служащих» (Н. Шелавин. На темы дня. Вселение и выселение. Советский служащий.— «Красная газета», 1919, № 208, 16 сентября, утр. вып.).

«Пресловутый саботаж не изжит до сего времени. Все эти господа из бывших департаментских заправил <...> всеми доступными им средствами тормозят работу» (А лектор. «Когда же конец?»— «Красная газета», 1919, № 212, 20 сентября, утр. вып.).

«Новые организации, ненадежность работы, саботаж „бывших людей“, пролезших в пролетарские организации.— вот те преграды, с которыми ежеминутно приходилось сталкиваться на пути удовлетворения запросов читателей» (А. «Навстречу читателям». — «Красная звезда», 1919, № 18, 25 января, утр. вып.).

⁷ Головной убор служил «знаком» социальной прослойки или профессиональных занятий. «От одной из таких витрин с ужасом отскакивает товарищ-красноармеец, чуть не сшибая с ног чиновничью фуражку» (Васильев. «В народе. (Жизнь Красного Питера)». — «Красная газета», 1919, № 87, 19 апреля, утр. вып.).

«Теперь и коммунистом для виду станешь... Хожу же я в фуражке и высоких сапогах...» (М. Новыи. «Уплотняются». — «Красная газета», 1919, № 212, 20 сентября, утр. вып.).

«Два каракулевых сака; оба — с голодными мешками под глазами. Ведут беседу. «...К шапке и карауло пристают другие шапки и караули, по недомыслию подкакивают им кепка и два платочка, и начинается обычная, слепоненавистническая, злобная критика советской власти» (Васильев. «В народе. (Жизнь Красного Питера)». — «Красная газета», 1919, № 83, 15 апреля, утр. вып.).

«В ночь на вчера <...> усиленно агитировали и орудовали... какой-то елот, какой-то каракул и бывший офицер — вольнец» («Черная немочь», статья без подписи.— «Красная газета», 1919, № 11, 16 января, утр. вып.).

⁸ В наброске Блока отразилось явление, привлекавшее к себе серьезное внимание прессы. В статье «Черная немочь» («Красная газета», 1919, № 11, 16 января, утр. вып.) сообщалось, что накануне встречи Нового года «по-старому» «десяток озверевших баб накинулся на проходившего мимо делегата от профессиональных союзов т. Никандера (...) и сильно избили его». Как сообщалось в той же газете от 22 августа 1919 г., № 188, утр. вып. (в информации «Борьба с невежеством»), «Коллегия комиссариата народного просвещения постановила учредить при внешкольном отделе комитет по борьбе с антисемитизмом во всех его проявлениях. На комитет возложены собиране и обработка всевозможных материалов, характеризующих современный антисемитизм и его источники».

⁹ См. прим. 14 к вступ. ст.

¹⁰ 26 сентября 1919 г. «Красная газета» № 217, утр. вып. поместила статью под названием «Взамен примазавшихся» (без подписи), в которой сообщалось: «Для оказания содействия членам семей красноармейцев, желающим поступить на службу в советские учреждения, военная секция Петроградского совета делегировала в городской отдел труда двух товарищей, которые будут работать в инспекционной комиссии. В первую очередь им дана задача произвести ревизию всех советских учреждений для выяснения различного рода учетников и саботажников, примазавшихся на службу в эти учреждения. Все эти „незаменимые работники“ будут уволены и помещены в Красную армию. Их места займут жены, матери и сестры красноармейцев».

¹¹ В статье Б. Валентинова «Принудительные работы» («Красная газета», 1919, № 155, 13 июля, утр. вып.) сообщалось: «Для всех праздношатающихся, мелких преступников, спекулянтов, картежников, пьяниц и всякого рода подозрительных личностей учрежден отделом управлений 1-й лагерь принудительных работ».

В лагерь этот, устроенный в помещении 3 Чесменской богodelьни за Московской заставой попадают все подозрительные личности или в административном порядке, или по народному суду на срок не свыше 6 месяцев.

В лагере, рассчитанном на 2000 человек, находится теперь около 500 арестованных, среди которых лица разнообразных профессий, а также вовсе не имеющие никаких занятий. (...) Все находящиеся в лагере обязаны трудиться. Организовано несколько мастерских. Работают заключенные также на огороде, имеющемся при лагере. Посылаются они и на выгрузку дров, на очистку улиц и т. д.»